Владимир ЖАРИКОВ

ПРЫЖОК ЯГУАРА

12+

Владимир Жариков

Прыжок ягуара

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Жариков В. А.

Прыжок ягуара / В. А. Жариков — «ЛитРес: Самиздат», 2012

ISBN 978-5-5321-0309-2

Увлекательный историко-приключенческий авантюрныйроман с элементами фантастики. Здесь вы найдете путешествиячерез века, пиратские схватки, поиск сокровищ, бандитские разборки наших дней…Ожидает ли мир конец света? Кто сможет предотвратить катастрофу? За спасение мира берется ученый-алхимик из средневековой Испании. Ему активно помогают в этом моряк из XVIII века с захваченного пиратами судна, волею судьбы оказавшийся на необитаемом острове, дочь испанского гранда - потомка конкистадора, а также юноша и девушка из XXI века, искатели пиратских сокровищ.

ISBN 978-5-5321-0309-2

© Жариков В. А., 2012
© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 15
Глава 5 19
Глава 6 21
Глава 7 25
Глава 8 28
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Глава 1

Свои детские годы Жорж Люсьен Дюбуа старался не вспоминать. Он был приемным сыном мыловара, и ничего в жизни не видел кроме тычков и подзатыльников, которыми, не скупясь, награждал его отчим. С юных лет он был вынужден помогать по хозяйству и нянчиться с многочисленными сводными братьями и сестрами. Эта сопливая орава непрестанно шалила, вопила и орала, кроме того, каждый из этой мелюзги не считал за труд пожаловаться родителям, если получал от Жоржа взбучку.

Мать Жоржа была дочерью хозяина портовой таверны в Сен-Мало. Однако едва папаша прознал о том, что его дочь забрюхатела, он тут же выгнал ее из дому. Молодая женщина долго скиталась в поисках пристанища, пока судьба не привела ее в небольшой городок в Бургундии и не столкнула там с мыловаром Дюбуа, который пожалел ее и взял в работницы. В то время она была уже на сносях, а после рождения Жоржа мыловар женился на ней. Несчастной женщине приходилось выносить постоянные побои и оскорбления за оказанную ей милость. От этих побоев и непосильного труда бедняжка долго не протянула. Она умерла, когда Жоржу едва минуло восемь лет. Мыловар по этому поводу долго не горевал и довольно скоро женился вновь на одной молодой особе, которая сразу же приступила к своим основным обязанностям – нарожала ему многочисленное потомство. С этими-то отпрысками и приходилось нянчиться маленькому Жоржу в перерывах между перемешиванием варева в чане и поддержанием под ним огня.

В шестнадцатилетнем возрасте его терпение лопнуло. Он окончательно решил уйти из дому, сделаться моряком и начать самостоятельную жизнь. И хотя до морских просторов было довольно далеко от Сен-Фаржо, где проживал со своим семейством мыловар Дюбуа, о море и о моряках маленькому Жоржу много рассказывала покойная матушка. Ее рассказы он запомнил очень хорошо, и это было единственным его светлым воспоминанием о детстве.

И вот, спустя восемь лет после кончины матери, Жорж Дюбуа решил повторить проделанный ею путь, но в обратную сторону, на ее родину, в Сен-Мало. Однажды ночью он выкрал из шкатулки с фамильными ценностями золотой медальон с портретом матушки, еще молодой, восемнадцатилетней, взял из ящика комода, где хранились отложенные на хозяйство деньги, несколько ливров и покинул родимое гнездо, провонявшее едкой щелочью и прогорклым салом.

Однако путь оказался неблизким. Жорж старался экономить свои средства и бóльшую часть пути шел пешком, лишь в непогоду садясь в дилижанс и проезжая в нем несколько лье. Оказавшись в Сен-Мало, он первым делом решил разыскать своего деда. Быть может, тот уже простил блудную дочь, и родственная кровь побудит его принять внука в объятия. А заодно теплилась надежда, что дед окажет протекцию, познакомив Жоржа с каким-нибудь капитаном.

Таверну он разыскал. Но, увы, как выяснилось, дедушка умер четыре года назад, а таверну завещал своему помощнику, хитрому пройдохе.

– Много тут ходит всяких, – новый хозяин, толстый и коренастый лысеющий брюнет протирал кружки грязной вонючей тряпкой. – Вам бы только выпить на дармовщину. Или стырить что-нибудь под шумок. Вот и представляетесь кто внуком, кто племянником бывшего хозяина.

– Нет, нет! – заверил Жорж. – Я говорю вам чистую правду! Быть может, вы помните его дочь? Это моя мама.

Он раскрыл медальон. Взглянув на портрет, трактирщик блеснул глазами:

– Да, это она. Красивая была, чертовка! Так ты говоришь, она скончалась? Бедняжка, царствие ей небесное! – трактирщик перекрестился.

Внимательно приглядевшись к юноше, он обнаружил в нем немалое сходство и с красавицей на портрете, и с почившим хозяином. Он забеспокоился, не станет ли Жорж претендовать в качестве наследника на часть имущества своего деда, поэтому сразу решил перейти в наступление:

– А не стащил ли ты случаем этот медальон, чтобы прикинуться родственником покойного хозяина? А-а?

– О, нет! Что вы, сударь, как можно?! – Жорж даже вспыхнул от негодования. – Честное слово, я его внук!

Впрочем, подумал трактирщик, паренек выглядит весьма простодушным, к тому же мечтает о карьере моряка. Однако лучше бы от греха поскорее от него избавиться. Трактирщик угостил Жоржа кружечкой пива, выслушал его рассказ о себе, потом поведал печальную историю о кончине его деда. И поспешил заверить, что ничем не может помочь пареньку в его начинаниях.

Потеряв надежду на покровительство, Жорж принялся сам прокладывать себе дорогу в море. Скитания, лишения и самая черная работа закалили характер будущего морского волка, а ростом и природной физической силой Господь его не обидел. Очевидно, его биологический отец был крепким рослым моряком. В свои неполные семнадцать лет Жорж выглядел взрослым мужчиной, разве что легкий пушок на гладком лице, еще не знавшем бритвы, выдавал в нем юношу.

Тем не менее, далеко не сразу нашелся экипаж, в который приняли бы новичка, еще не нюхавшего соленого морского ветра. Жорж зарабатывал на жизнь, работая грузчиком в порту. Он с тоской наблюдал за кораблями, стоящими на рейде, и вглядывался в морскую даль. А увидеть море с борта корабля ему довелось лишь год спустя после бегства из дому.

Старая потрепанная бригантина «Магнолия», на которую, в конце концов, устроился Дюбуа, была зафрахтована государственной почтовой службой и использовалась в качестве пакетбота. Она курсировала между Старым и Новым Светом, перевозя почту, мелкие грузы и пассажиров – в основном переселенцев. Жорж совершил на «Магнолии» пять рейсов к берегам Гаити, Гвианы и Луизианы, то радуясь своей новой судьбе, если погода стояла чудесная и боцман был не очень сердит, то проклиная ее, когда получал от него зуботычины или когда шторм швырял видавшую виды посудину как ореховую скорлупу. Три года пролетели как один день. За это время Жорж возмужал, окреп, научился владеть ножом как оружием и не давать никому спуска в матросских драках.

В шестой рейс на «Магнолии» нашему молодому покорителю морей отправиться не пришлось – фрахтовщик отказал владельцу и не стал снаряжать бригантину в очередное плаванье по причине ее ветхости. Полгода Жорж маялся, не имея постоянной работы. Он задолжал кучу денег трактирщикам и почти всем портовым девкам Сен-Мало, и совсем было отчаялся, но удача, наконец, улыбнулась двадцатилетнему моряку. Именно «Удача» – так называлась трехмачтовая шхуна-барк, боцман которой принял его в команду.

– Так ты служил на «Магнолии», где шкипером был старый Симон Симоне? – боцман оскалил прокуренные, почти коричневые редкие зубы, не выпуская из них мундштука коротенькой трубки.

– Да, – подтвердил Дюбуа. – У меня есть от него рекомендательное письмо.

Жорж протянул свернутый вчетверо лист пергамента.

– Не надо, – отвел его руку боцман. – Верю тебе.

Он и не смог бы прочитать там ни слова, поскольку боцман хорошо знал только цифры, а из всего алфавита ему были знакомы лишь две буквы – П и Ж. Это его собственные инициалы: боцмана звали Пьер Жерар. Этими буквами с замысловатыми вензелями он расписывался в договорах и на векселях. Как выводить вензеля ему показал один портовый писарь. А Жоржа обучила грамоте его матушка, пока еще была жива. Остальное образование он получил

в мыловарне своего отчима, по крайней мере, научился счету, взвешивая сало перед отправкой его в чан и считая количество ударов плетью, когда ему доставалось наказание за провинность.

«Удача» – совсем новая, только что выстроенная баркентина. Она набирала экипаж и готовилась выйти в свое первое плаванье. В ближайшие две недели планировалось окончательно сформировать груз и разместить его в трюмах. Груз в основном состоял из мануфактуры, некоторую часть которой следовало доставить в небольшое поселение в Сенегале, а остальное на остров Мартинику, одно из французских владений в архипелаге Малых Антильских островов. Пока корабль стоял под загрузкой, Жорж авансом получил свое двухмесячное жалование, почти целиком ушедшее на оплату долгов.

И вот, наконец, 25 августа 1712 года «Удача» отвалила от причала порта Сен-Мало, расправила паруса и двинулась на юг к африканскому континенту. До берегов Сенегала плаванье больше походило на каботажное. По левому борту даже без подзорной трубы можно было разглядеть то мыс Финистерре испанского берега, то Канарские острова. Жорж впервые шел к африканским землям и с интересом вглядывался вдаль, нередко получая за это нагоняи от боцмана, которые выливались впоследствии в наказание дополнительной работой. Команда рассчитывала на стоянку у одного из Канарских островов, но капитан очень торопился и проследовал мимо.

Спустя недели три после выхода из Сен-Мало, на закате дня, «Удача» бросила якорь в небольшом заливе. Утром баркас и все восемь шлюпок загрузили мануфактурой, в одну из лодок сел капитан и во главе этой малой флотилии отправился к берегу.

– Клянусь плавником сушеной акулы, повезем отсюда негров на Мартинику, – плюнув за борт, сказал старый матрос, португалец Карлос Роландо, который вместе с Жоржем работал на талях.

Ближе к ночи лодки вернулись. Карлос оказался прав: в каждой из них находилось шесть-семь, а в баркасе – и вовсе целая дюжина закованных в кандалы чернокожих. И баркас, и шлюпки совершили к берегу еще по нескольку рейсов. Всего Жорж насчитал почти полторы сотни перевезенных на «Удачу» негров. Погрузка шла в темноте при свете факелов. Помимо невольников, моряки погрузили на корабль запасы пресной воды, вяленое мясо, муку и другую провизию для дальнего перехода.

Когда на борт была поднята последняя лодка, капитан сразу же, не дожидаясь рассвета, велел сниматься с якоря и ставить паруса. Шхуна вышла в открытое море и взяла курс на запад.

Глава 2

Первые несколько дней свежий фордевинд гнал «Удачу» в сторону заходящего солнца. Волнение было несильным, на бесконечной глади сине-зеленой морской равнины лишь изредка вспыхивали белые барашки на гребнях волн. Иногда шхуну сопровождали стайки любопытных дельфинов. Следуя параллельным курсом, они по очереди выпрыгивали из воды, словно интересуясь тем, что делается на палубе. Альбатросы реяли высоко в небе, выискивая добычу и, заметив ее, в стремительном пике бросались в воду. Вся эта картина была знакома Дюбуа – в седьмой раз он шел к берегам американского континента, и Атлантика стала для него все равно, что родным домом.

Экипаж «Удачи» насчитывал полтора десятка марсовых и столько же палубных матросов, а помимо них еще два десятка канониров, которых тоже заставляли работать, если боцман замечал, что пушкари маются от безделья. Начальство состояло из капитана, его помощника и штурмана. Кроме того, в составе команды числились плотник, лекарь, кок и его помощник. Артиллерия баркентины состояла из шестнадцати пушек, двух мортир и двух носовых кулеврин, в крюйт-камере хранился добрый запас пороха и ядер. Имелось также оружие для ближнего боя – мушкеты, пистолеты и сабли – на случай отражения атаки пиратов. Надо сказать, за три года службы на «Магнолии» Жоржу ни разу не приходилось подвергаться нападению «джентльменов удачи». То ли это было элементарным везением, то ли потрепанный пакетбот не представлялся флибустьерам достойной внимания добычей, но Жоржу казалось, что сия чаша довольно успешно обходит его стороной.

Однако мнение капитана «Удачи» на этот счет было не столь оптимистичным. Чем ближе судно подходило к берегам Нового Света, тем более нервным он становился. И явно чувствовалось его беспокойство и напряжение, когда мимо них проходило встречным курсом другое судно. Опасался капитан не только пиратских, но и французских военных судов, командование которых могло приказать ему остановиться и предъявить документы на фрахт, как доказательство законности перевозки живого товара.

В трюмах, куда поместили чернокожих, стояла изнурительная духота и смрадный запах от потных немытых тел. Два раза в день невольников выводили из трюмов на палубу для разминки. Кок с помощником выносили чан с похлебкой из муки, толокна или проса и разливали эту баланду в миски. Негры ели сидя на палубе, несколько матросов наблюдали за ними с бичами в руках. По указанию капитана им надлежало сечь всякого, кто попытается заговорить с соседом. Еще одна группа матросов стояла на полубаке с ружьями наготове. Они должны были стрелять в тех, кто попытается напасть на кого-нибудь из экипажа. Раз в неделю невольников осматривал судовой врач.

Пятая неделя плаванья ознаменовалась сильнейшим штормом. Волны играли кораблем как спичкой, ветер трепал снасти и рвал даже зарифленные паруса, трюмы заливало водой. Капитан сам стоял у штурвала, матросы не спали четыре ночи кряду, отдавая последние силы борьбе со стихией.

Наконец, шторм утих. Целые сутки команда отдыхала, отсыпаясь после такого аврала, а судно лежало в дрейфе. Потом два дня потребовалось, чтобы починить паруса и такелаж, а также просушить груз. Пока бушевала стихия, негры постоянно находились в трюме. Несколько невольников за это время умерло. Мертвецов обнаружили только после шторма, их тела уже начали разлагаться, когда их бросили в океан.

До Мартиники оставалось около четырехсот миль – при попутном ветре их можно было пройти менее чем за два дня, но после бури ветер сменился на западный и дул в положении левентик. Продвигаться против ветра приходилось с частой сменой галсов, что сильно увели-

чивало время в пути. Но моряки не унывали – пусть даже до берега будет пять дней ходу, все равно уже близки и долгожданная земля, и свежее мясо, и женщины…

О женщинах матросы тосковали больше всего, предаваясь мечтам в свободные от вахты часы. И вот как-то утром прозвучал, наконец, долгожданный крик марсового: «Земля!» и возвестил о том, что на горизонте показался один из Малых Антильских островов. «Удача» вошла в пролив Сент-Люсия и, обогнув Мартинику, бросила якорь в бухте.

Первым делом, капитан велел выгрузить живой товар, которого давно и с нетерпением дожидался перекупщик-работорговец. Человек десять невольников задержали на борту, чтобы под присмотром Карлоса Роландо они навели порядок в трюме – выгребли оттуда нечистоты.

После выгрузки всех чернокожих и груза мануфактуры экипаж был отпущен на берег. На корабле остались только пятеро вахтенных матросов, в их числе Жорж Дюбуа и португалец Роландо. Они тоскливым взглядом проводили последнюю шлюпку, отчалившую от борта шхуны и, завидуя счастливчикам, с нетерпением стали ждать своей очереди взять курс к ближайшей таверне – погулять и поразвлечься вволю. В ожидании своего часа они прилегли в тенечке возле полубака и вели неспешную беседу.

– Ну что, может, сыграем в кости? – предложил Жоржу Карлос Роландо, достав из кармана кубики и подбросив их на ладони.

– С тобой неинтересно играть, – махнул рукой Дюбуа. – Ты всегда выигрываешь. И потом, у меня нет ни су.

– У тебя есть хорошая цацка, – Карлос бесцеремонно вытащил из-за ворота рубахи Жоржа золотой медальон, висевший у него на шее. – Я бы дал за нее два луидора.

– Нет, это не продается. Фамильная реликвия.

– А ну-ка, – Карлос нахально раскрыл медальон. – Симпатичная мордашка. Любимая женщина?

– Вроде того.

– Эй, на вахте, прими конец! – прозвучал за бортом голос и вслед за ним раздался характерный стук причалившей лодки.

Карлос отпустил медальон Дюбуа подбежал к фальшборту и, перегнувшись через релинг, поймал брошенный фал. В шлюпке прибыли капитан, его помощник, боцман и четверо гребцов – матросов с «Удачи». Но кроме них в лодке находился еще один пассажир.

– Поднимите на борт эти ящики, живо! – велел капитан. – И подайте трап! Шлюпку не поднимайте, она еще понадобится.

Дюбуа и Роландо при помощи тали подняли на борт два небольших, но очень тяжелых ящика.

– Не будь я Карлос Роландо, если там не золото, – шепнул португалец на ухо Дюбуа. – Скорее всего, это плата за товар. А может, кто-то везет в Европу золотые побрякушки, добытые у дикарей…

По сброшенной веревочной лестнице все прибывшие поднялись на палубу. Внешность незнакомца не могла вызывать особых симпатий. Из-под видавшего виды камзола выглядывала далеко не свежая сорочка. Сапоги с ботфортами были стоптаны как у бродяги. Шею он не мыл, кажется, со времен окончания Всемирного потопа. Однако при этом он держался не то что с достоинством, но даже с гонором. Взгляд его был жесток и холоден, узкие губы плотно сжаты, а многочисленные шрамы на лице свидетельствовали о том, что этот человек не склонен к спокойной и праздной жизни, а все спорные вопросы предпочитает решать при помощи кулаков или шпаги.

Помощник капитана с боцманом собственноручно взяли один из ящиков. Коротким свистом и кивком головы боцман велел двум свободным матросам подхватить второй ящик. Капитан с неизвестным гостем шли следом налегке, о чем-то разговаривая. Они направлялись на полуют к каюте капитана. Шагая, незнакомец слегка припадал на правую ногу.

– Кто такой? – полюбопытствовал Карлос у одного из матросов, прибывших с берега вместе с начальством, когда вся группа удалилась.

– Да черт его знает, – хмуро ответил матрос. – Боцман с этим типом пил ром в таверне. Потом к ним присоединились капитан с помощником. Похоже, это владелец какого-то груза и хочет отправить его оказией на Гаити.

– Ясно. Что ж, я не против заглянуть на Гаити. Дюбуа, ведь тебе приходилось бывать на Гаити?

– Конечно. И не раз. Я же три года ходил туда с пакетботом.

– Согласись, там превосходный ром! А какие замечательные красотки! Мулатки-шоколадки, а?!

– Да уж.

– А если нам еще выплатят премию с фрахта – повеселимся вволю! Мне просто не дают покоя те два ящика, что мы подняли на борт. И пусть меня разорвет тигровая акула, если нам не выдадут по дюжине пистолей на брата!

– Мечтать не вредно…

Дюбуа взялся за швабру, опасаясь, что кто-нибудь из начальства застанет его слоняющимся по палубе без дела. Карлос из тех же соображений спустился в кубрик. Матросы, сидевшие на веслах в прибывшей лодке, оставались на палубе, они прилегли на свернутые в бухты канаты у грот-мачты.

Совещание в капитанской каюте длилось около получаса. Когда гость, покидая корабль, шагал, прихрамывая, к трапу, за ним услужливо семенил боцман.

– А ты молодец, Пьер Жерар! – незнакомец остановился у борта возле трапа и хлопнул боцмана по плечу. – Надеюсь, у нас все получится хорошо!

Он говорил хриплым голосом с сильным английским акцентом. Боцман оскалил в улыбке кривые коричневые зубы и не то хохотнул, не то кашлянул:

– Хе, хе!

Потом нахмурился и строго крикнул:

– Жан! Мишель! Что вы валяетесь, черт вас дери! Живо в шлюпку, отвезите месье на берег!

Несмотря на хромоту, незнакомец проворно спустился по веревочной лестнице в лодку вслед за гребцами.

Глава 3

Утром капитан отвел «Удачу» за мыс и бросил якорь на траверсе пустынного берега. Ближе к полудню, как было условлено, началась погрузка. Силами экипажа при помощи шлюпок на корабль было доставлено двадцать больших и довольно увесистых бочек. Их не стали опускать в трюм, разместили прямо на палубе – таково было желание держателя груза. Помощник капитана, исполнявший обязанности суперкарго, велел принайтовать их шкертами к палубе на случай возможной качки. Капитан самолично осмотрел груз и приказал матросам на кабестане поднимать якорь.

Примерно часа через два после окончания погрузки при хорошем галфвинде «Удача» миновала пролив Мартинику, и берега острова постепенно стали исчезать за горизонтом. А едва они полностью растворились в море, раздался возглас марсового:

– По правому борту корабль!

Взглянув в подзорную трубу на появившееся словно из ниоткуда судно, капитан дал команду поднять все паруса и уходить самым выгодным галсом, пусть даже этот курс уводил их существенно южнее. Идущим наперерез кораблем оказался довольно ходкий одномачтовый шлюп, какие часто используют флибустьеры для охоты в водах Карибского моря. На его мачте развевался черный флаг, не оставляющий никаких сомнений в намерениях преследователей. Капитан отдал команду заряжать пушки, а всем матросам достать из оружейной шпаги и пистолеты и готовиться к обороне. Но тут старший канонир доложил, что бочки с порохом продырявлены, а порох в них залит водой.

Погоня продолжалась немногим больше часа, за это время пиратский шлюп приблизился к «Удаче» на расстояние кабельтова. С него прозвучало два холостых предупредительных пушечных выстрела, и одновременно с этим у бочек, размещенных грузом на палубе шхуны, повылетали крышки, и из каждой из них выскочило по крепкому молодцу. Все они были вооружены пистолетами и абордажными саблями. Головорезы, не раздумывая, пустили в ход оружие и моментально уложили с десяток матросов «Удачи», после чего прозвучало их требование сдаться. Капитан, во избежание дальнейшего кровопролития, благоразумно отдал команду зарифить паруса, лечь в дрейф и опустить флаг, а матросам бросить оружие на палубу и не принимать бой. Команда преследующего шлюпа зацепила «Удачу» абордажными крючьями и через несколько мгновений человек сорок флибустьеров быстро как обезьяны вскарабкались на палубу шхуны.

Когда на захваченный корабль взошел высокий широкоплечий человек с огромной черной бородой, все пираты дружно и восторженно приветствовали его. Следом за ним поднялся и вчерашний незнакомец, тот самый хромой «фрахтовщик» неприятной наружности. Он подошел к боцману «Удачи» и хлопнул его по плечу:

– Ты молодец, Пьер Жерар. Все получилось отлично!

– Месье, – обратился чернобородый к капитану на ломаном французском. – Меня зовут Эдвард Тич, но друзья и враги больше знают меня под именем Черная Борода. Ваше судно теперь принадлежит мне. Из вашей команды меня интересуют плотник и врач. Мой друг Израэль Хэндс, – лжефрахтовщик при этом наклонил голову, – ходатайствовал оставить в живых еще и вашего боцмана Пьера Жерара, который придумал этот план и помог нам завладеть кораблем без потерь с нашей стороны. Кроме того, я, возможно, возьму в свою команду несколько лучших канониров, пусть боцман сам их отберет. Остальных попрошу погрузиться в баркас – и на все воля Божья.

Черная Борода сложил перед грудью ладони рук, поднял к небу глаза и добавил по-английски:

– Убивать я вас не стану, зачем мне брать лишний грех на душу!

Пираты засмеялись.

– Вы не посмеете этого сделать! – возразил капитан. – Мы добровольно сдались вам, можете забрать наш груз и деньги, но корабль и его команду вы должны отпустить!

– Мне нужен этот корабль. И я никому ничего не должен. А с теми, кто мне противоречит, поступаю вот так: – Черная Борода вытащил из-за пояса пистолет и разрядил его в грудь капитана.

В баркас погрузилось двадцать пять человек. Суденышко оказалось переполнено и едва не черпало воду бортами. Над морем повисла вечерняя заря, и на фоне оранжево-красного ореола клонящегося к закату солнца постепенно превращались в черные точки силуэты уходящих курсом вест «Удачи» и пиратского шлюпа.

Отойдя мили на две от брошенных на произвол судьбы моряков, Черная Борода велел обоим судам взять курс норд-норд-ост и двигаться в направлении острова Доминика. А сам он устроился со своими приближенными в просторной и роскошно обставленной кают-компании шхуны «Удача». После того, как собравшиеся выпили по доброй кружке ямайского рома за успешный захват прекрасного нового судна, предводитель пиратов обратился к ним:

– Теперь, господа, когда у меня есть хорошо вооруженный быстроходный корабль, я смогу осуществить то, что поклялся сделать много лет назад – отомстить коменданту французского форта Пуэнт-а-Питр на Гваделупе. Я брошу ему вызов, черт побери, ведь не даром меня зовут Черная Борода.[1]

– Бросишь вызов? – удивился Израэль Хэндс. – Но для чего? Зачем ты собираешься ему мстить?

– Я хочу разорить этот форт как осиное гнездо. Разграбить и уничтожить.

– Я слышал, что на Гваделупе ничего нет, кроме сахарного тростника…

Эту реплику произнес Джон Ричардс, бравый головорез и опытный моряк. Черная Борода буквально только что назначил его своим вторым помощником на захваченном судне, и тот решил, что теперь имеет право высказываться:

– Но если комендант форта богатый человек, – продолжал Джон Ричардс, – то это меняет дело! Когда месть сопряжена с хорошим призом, почему бы не отомстить? Можно отомстить хоть самому черту.

– Этот человек не черт, – в ухмылке оскалил зубы Черная Борода. – Он просто жирная свинья. Вытопить из него сало будет одно наслаждение. Кроме того, у него есть две дочери-близняшки. Когда я видел их в последний раз, они были еще подростками. Зато теперь, наверно, уже в самом соку. Вы сможете сделать с ними все, что захотите.

Черная Борода раскурил свою любимую трубку с длинным мундштуком, отодвинулся от стола и сложил на столешницу ноги.

– Сейчас я расскажу вам мою историю, тогда вы поймете, что совершить эту месть – дело моей чести.

В кают-компании, кроме самого предводителя флибустьеров, его двух помощников Хендса и Ричардса, присутствовали еще несколько человек, один из которых – уже известный нам Пьер Жерар, бывший боцман «Удачи». Все они, зная непредсказуемый характер Черной Бороды, тихо сидели за столом и не встревали в разговор. А теперь, затаив дыхание, были готовы выслушать историю своего предводителя.

– Если кто не знает, – начал свой рассказ Эдвард Тич, – напомню: в прошлом я – английский военный моряк, Десять лет назад, когда по велению королевы Анны Англия вступила в войну за испанское наследство, я был молодым лейтенантом и состоял на службе во флоте ее

[1] В английском языке слово beard имеет два значения: 1 – борода. 2 – бросить вызов (*прим. авт.*)

величества на одном из линейных кораблей. В конце 1703-го года в составе эскадры я отправился в Вест-Индию, поскольку война королевы Анны с Францией и Испанией к тому времени докатилась и до Нового Света. Дойдя до Малых Антильских островов, основные силы нашей эскадры отправились дальше, к берегам Флориды, а фрегату под названием «Королева Анна», на котором я служил вторым помощником капитана, было поручено овладеть фортом Пуэнт-а-Питр на Гваделупе. По сведениям командования, форт был небольшой, и мы должны были легко справиться с поставленной задачей. Мы вели осаду несколько дней, стреляя по форту из пушек, а потом, оставив на корабле лишь десятка два пушкарей, практически все, и моряки, и пехотинцы высадились на берег и пошли в атаку. Исход битвы был уже на нашей стороне, но неожиданно на помощь противнику подошли два французских корабля. На нашем судне не хватало людей, чтобы сманеврировать и отразить нападение, поэтому «Королева Анна» была быстро взята на абордаж, пушкари перебиты, а корабль потоплен. Лишившись поддержки морской артиллерии, наша атака захлебнулась. А весь десант, вернее всех, кто остался в живых, в том числе и меня, взяли в плен.

Жан Мишель де Кассе, комендант форта, просто издевался над нами. Он плевал нам в лицо, называл паршивыми скотами и лично избивал плетью. А потом в качестве белых рабов отправил на плантацию работать вместе с неграми. Мы гнули спины с рассвета до ночи, спали по пять часов в сутки. Нас кормили одной маисовой похлебкой, а за малейшую провинность секли плетьми. Уже тогда я поклялся отомстить Жану де Кассе, если останусь жив. Но, прежде всего, надо было получить свободу.

Пока мы работали на плантации сахарного тростника, сделать это было практически невозможно. Но примерно через год после нашего пленения Жану Мишелю приспичило отделать свой особняк гранитом из береговых скал. Несколько человек, в том числе и меня, отправили работать в каменоломню. Там можно было подойти близко к обрыву над морем. Один раз я заметил внизу недалеко от берега лодку – какой-то одинокий рыбак вышел порыбачить в заливе. И я решил: сейчас или никогда. Я швырнул кирку в надзирателя и прыгнул со скалы. Высота была футов пятьдесят, не меньше. Но я решил, что лучше разбиться, чем упустить такой шанс. Однако глубина оказалась достаточной. Я вынырнул и поплыл к лодке. Рыбак, конечно же, видел все это, но не решался бросить свою сеть и не уплывал от меня. А я, подобравшись к лодке, схватил его за одежду и затащил в воду. Между нами завязалась борьба, из которой я вышел победителем, несмотря на то, что был изнурен без малого годом каторжной работы.

С берега открыли стрельбу, но я, укрываясь за лодкой, отвел ее за мыс, потом забрался в нее и стал грести в открытое море. Перед заходом солнца меня подобрал корабль. Это был корабль Бенджамина Хорнигольда, известного на Карибах флибустьера. Тогда я этого еще не знал, но с того самого дня началась моя карьера пирата.

Я благодарен Бену, он многому меня научил, но ему не было дела до моих счетов с Жаном Мишелем де Кассе. Поэтому осуществить свою месть я мог только став сам капитаном. Однако имея в распоряжении всего один шлюп, даже с командой моих храбрецов, напасть на форт было бы глупой авантюрой. Зато теперь, когда у меня есть и шлюп, и прекрасный корабль… Я назову его «Месть королевы Анны» в память о той «Королеве Анне», которая погибла при штурме Пуэнт-а-Питра.

– Капитан, надвигается шторм, сэр! – крикнул ворвавшийся в кают-компанию матрос.

Все тут же выскочили на палубу. Черная Борода, бросив взгляд на небо из-под руки, резюмировал:

– У нас есть в запасе два часа времени. Мы должны успеть дойти до Доминики и укрыться от урагана с подветренной стороны. На всякий случай надо задраить все люки и будьте готовы убрать паруса!

– А теперь обсудим план операции, – продолжил он, когда, отдав необходимые распоряжения, вместе со своими компаньонами вернулся в кают-компанию. – Весь завтрашний день будем стоять на рейде у Доминики. Там надо будет раздобыть сухого пороху и прикупить еще с десяток пушек. Когда погрузим все это, к вечеру выйдем в море. С наступлением темноты «Месть королевы Анны» подойдет к форту с юга и укроется за островом Иле-а-Кошон. Тем временем, ты, Хендс, притворившись мирным торговцем, проходишь на шлюпе узкий пролив Сале между Бас-Тер и Гранд-Тер. А на рассвете начинаешь палить из пушек. Как только из форта начнется ответная стрельба, мы выходим из своего укрытия и открываем по форту канонадный огонь. И черт меня дери, если они не поймут, что гореть в аду им будет в тысячу раз приятнее. Когда они перестанут сопротивляться, занимаем форт. Жирную свинью Кассе я лично изжарю на вертеле, а его дочек предоставлю вам на забаву. А что касается золота и побрякушек, – Черная Борода повернулся к Джону Ричардсу, – я думаю, там будет, чем поживиться.

Глава 4

Баркас со шхуны «Удача» с предоставленными судьбе моряками находился милях в сорока, как от Мартиники, так и от Доминики. И если идти на веслах со скоростью хотя бы два узла, можно было бы добраться до любого из этих островов еще до рассвета. Но это при условии наличия этих самых весел. Однако проблема состояла в том, что весел изгоям не дали. Но и на этом их беды не заканчивались, потому что на востоке вечернее синее небо вдруг стало совершенно черным. Чернота постепенно захватывала весь небосклон и вскоре порывы холодного ветра начали поднимать брызги с поверхности воды. Сперва небольшие пологие волны приподнимали и раскачивали баркас, но с каждым мигом они становились всё круче и в считанные минуты всхолмили, насколько хватало взора, поверхность моря. Начинался шторм.

Поначалу волны лишь ударяли в нос баркаса и разбивались об него, но вскоре они уже начали перехлестывать через борта. Моряки пытались отчерпывать воду всеми подручными средствами, однако тщетно. Баркас заливало, и в довершение всего крепкая волна перевернула суденышко. Восемь или десять человек тут же поглотила темная сине-зеленая бездна, зато остальным морякам удалось ухватиться за перевернутый баркас. В числе этих счастливчиков оказался и Дюбуа.

– Посмотрите на небо, – испуганно произнес один из матросов.

Из серо-свинцовых туч, словно ноги великана, встающего с постели, вниз, к поверхности моря опустились две огромные черные воронки. Смерч. Два смерча. Самое страшное природное явление на Карибах. Эти ноги стремительно приближались, и вскоре перевернутый баркас оказался в самом центре одной из воронок. Вой ветра заглушил крики моряков. Всех их вместе с баркасом подняло в воздух и закружило как осенние листья.

Жорж так и не запомнил, сколько времени его крутило в этой небесной карусели вместе с другими моряками, вместе с галлонами воды, рыбами и разваливающимся баркасом. Он не запомнил, когда и как его вышвырнуло из воронки, как он погрузился в бушующую морскую стихию и как ухватился за обломок баркаса, который выбросило следом за ним. Зато он хорошо помнил, как носился по морю всю ночь, как утих шторм, как луна и звезды сияли над ним, как на рассвете он увидел вдалеке землю и плыл к ней, и доплыл, когда солнце стояло уже высоко. Выбравшись на берег, он упал навзничь и уткнулся носом в песок, совершенно обессилев.

Проснулся Жорж уже на закате. Его колотил озноб, а все тело неимоверно ломило от боли, оно было покрыто синяками и кровоточащими ранами. Но он несказанно радовался тому, что остался жив. Стоя на коленях, он помолился, открыл медальон и поцеловал портрет матери. Страшно хотелось пить. Жорж поднялся на ноги и заплетающейся походкой побрел к лесу в надежде разыскать ручей, чтобы напиться. Ручья найти не удалось, но по дороге он подобрал несколько кокосовых орехов, из тех, что во множестве валялись на земле, сорванные с пальм ураганом. Чудом при нем сохранился длинный матросский нож, с его помощью Жоржу удалось добраться до кокосового сока и слегка утолить жажду.

Провести ночь Дюбуа решил на берегу. Место здесь более продуваемое, вследствие чего меньше досаждали москиты, кроме того, проще было заметить подползающую змею или ядовитого паука. Моряк нарезал своим ножом в лесу веток и листьев и устроил себе лежбище на возвышенном месте. С наступлением темноты он уснул, решив отложить на утро проблемы добывания еды и разведения огня.

Спал Дюбуа плохо, постоянно просыпался и разминал затекшие конечности. Все-таки ложе, устроенное на камнях, пусть даже прикрытых травой и ветками, оказалось не самым удобным. Кроме того, его постоянно будили крики зверей и птиц, доносящиеся из леса. Едва

дождавшись рассвета, он поднялся и отправился на поиски еды. Пищей могла бы послужить черепаха – из тех, что в изобилии выползают на берег. Проблема состояла лишь в том, как ее приготовить. У него не было ни кресала, ни какого-либо иного средства для разведения костра. В итоге он набрал черепашьих яиц и съел их сырыми, заедая мякотью кокосовых орехов.

Покончив со своей нехитрой трапезой, Жорж решил обследовать берег с целью выяснить, где он находится – на острове или на материке, – а если на острове, то обитаем он или нет. Жорж решил идти вдоль береговой линии. Море находилось от него с юга, поэтому он двинулся на запад, чтобы солнце не слепило ему глаза. Моряк рассчитывал наткнуться на поселение белых людей или какой-нибудь форт. Встречи с дикарями он очень опасался – он был один, из оружия при себе имел только нож, а индейские племена могли оказаться крайне недружелюбными. Еще он не терял надежды на то, что кому-то из его товарищей тоже удалось спастись и выбраться на этот берег, пусть даже и далеко от него, быть может, на расстоянии нескольких миль. Во всяком случае, повстречать кого-либо из друзей, а лучше и не одного, было бы замечательно – вместе проще добраться до большого поселения, отразить нападение индейцев или выбраться отсюда, если вдруг эта земля окажется необитаемым островом.

Он шел целый день, при этом солнце неизменно светило ему в спину. Продвигался он медленно. Кромка берега сначала тянулась по зыбучему песку, и ноги вязли в нем. Потом на пути у него возник скалистый утес, и Жорж карабкался на него, потому что старался не удаляться от берега и не упускать из виду море. Он выбрался на голые скалы, возвышающиеся над морем на добрых тридцать туазов[2]. Они тянулись вдоль берега несколько миль.

Когда солнце склонилось к закату. Дюбуа убедился, что движется теперь на восток, следовательно, линия берега повернула на сто восемьдесят градусов. Это означало одно из двух: либо он находится на выступающем далеко в море мысу большого острова – или даже материка – и обогнул часть этого мыса, либо, что вероятнее всего, эта земля является небольшим островком, и он прошел половину его периметра.

Скалистая гряда кончилась, берег снова стал пологим и песчаным. С наступлением сумерек Дюбуа принялся готовиться ко сну, соорудив себе ложе аналогичное предыдущему. Он проспал до рассвета и снова двинулся в путь. Береговая кромка поднялась вверх, а лес подступал вплотную к обрывистому берегу. Снова пришлось пробираться сквозь густые заросли и бурелом, нередко пуская в ход нож. А примерно через пару часов ходу лес отступил, берег опустился к морю и снова стал пологим и песчаным. Солнце поднялось уже довольно высоко, песок успел раскалиться и дышал жаром. Жажда и зной начали одолевать Дюбуа не на шутку.

И тут Жорж наткнулся на устье ручья. Журча по камням и падая с крутого уступа, поток вырывался из леса и устремлялся через песчаный берег к морю, неся с собой живительную прохладу. В своем устье ручей образовывал дельту, делясь на рукава, и смешивался с солеными морскими водами, словно хватая волны пятерней с растопыренными пальцами. Упав на песок перед ручьем, Жорж погрузил лицо в прозрачную пресную воду и долго с наслаждением пил.

Утолив жажду, моряк продолжил свой путь вдоль береговой линии. Часа через два он дошел до того самого места, куда его позавчера вынесло после шторма. Да, он находился на острове и сравнительно небольшом, можно даже сказать маленьком. Обитаемый этот остров или нет, пока оставалось загадкой, но, скорее всего, – нет, потому что, ни следов, ни иных признаков присутствия людей во время путешествия обнаружить не удалось. А ведь островитяне, если такие имелись, непременно должны были выходить к берегу моря. Также не было известно, проходят ли мимо этого острова корабли. Все это навевало печаль и досаду даже на такого жизнелюбивого человека как Жорж Дюбуа. Уж лучше бы он погиб в ту злосчастную ночь в морской пучине, подумал моряк.

---

[2] Туаз – французская мера длины, равная 1,949 м (*прим. авт.*)

Он решил вернуться к ручью – там, все-таки, поуютнее, и вообще, обустраивать свой быт лучше всего в том месте, где есть источник пресной воды. Жорж уже морально был готов к тому, что на этом острове ему предстоит провести немало дней, месяцев, а быть может, и всю жизнь. Жорж поднялся на терраску к границе леса, и возле того места, откуда вытекал ручей, стал обустраиваться на ночлег. Два следующих дня он провел на берегу возле устья ручья, питаясь кокосами, сырыми черепашьими яйцами, и сырой рыбой, которую ловил голыми руками, бродя по колено в воде. И непрерывно вглядывался в море – он боялся пропустить парус проплывающего мимо острова корабля, все еще не оставляя надежду на спасение.

На шестые сутки его пребывания на острове, лишь только рассвело, начался дождь. Проснувшись от сырости, Дюбуа не стал даже завтракать, а спасаясь от дождя, переходящего в ливень, углубился в лес, решив заодно исследовать центральную часть острова. Он пробирался вдоль русла ручья сквозь переплетение лиан, через заросли высокой травы и кустарника. Капли дождя сначала только стучали наверху по широким пальмовым листьям и не долетали до земли. Но очень скоро они начали скатываться с листвы прямо за ворот рубахи Жоржа.

Однако долго пробираться сквозь джунгли ему не пришлось – приблизительно через четверть часа перед ним открылась поляна, на которой стояла хижина. Вот это находка! И почему же он раньше не набрел на эту хижину? Ведь досюда от берега не больше двухсот туазов.

Оглядев жилище, Дюбуа решил проявить осторожность, ведь внутри него мог находиться как друг, так и враг – как собрат по несчастью, закинутый судьбой на этот необитаемый остров, так и озлобленный на весь мир безумец. Такое часто бывало – пираты высаживали на необитаемые острова провинившихся членов команды, которые после этого начинали ненавидеть весь свет и, в конце концов, сходили с ума и умирали. Правда, умирали чаще всего от голода, от малярии, от лихорадки или другой тропической болезни.

Вход в хижину был занавешен куском дряхлой почерневшей парусины.

– Эй! Есть тут кто-нибудь?!

Выждав некоторое время после своего оклика, Дюбуа приоткрыл полог, держа наготове нож. Внутри все заросло пылью и паутиной, что свидетельствовало о том, что хозяин не появлялся тут много лет. Правда, войдя внутрь и приглядевшись, Жорж обнаружил-таки присутствие хозяина, однако понять, добрый это был человек или злой не представлялось возможным – он умер, и довольно давно, оставив от своего тела лишь груду костей, прикрытую полуистлевшими лоскутами одежды.

Жорж решил поселиться здесь, и первым делом принялся производить ревизию доставшегося ему наследства, отложив на потом погребение останков прежнего хозяина и наведение порядка в своем новом жилье. Дождь крупными каплями колотил по крыше, крытой сухими пальмовыми листьями, а внутри было сухо и даже, несмотря на запустение, вполне уютно. В хижине Дюбуа обнаружил немало интересных и полезных вещей. Прежде всего – кресало. Больше ему не придется питаться сырыми черепашьими яйцами, теперь можно будет развести огонь и приготовить нормальную еду – запечь на костре мясо черепахи или какой-нибудь иной добычи. Второй находке Жорж сначала порадовался, но тут же разочаровался в ней: он нашел мушкет, но ни пороха, ни пуль к нему обнаружить нигде не удалось. Помимо этого, имущество умершего хозяина составляли: заржавленная шпага, столь же заржавелый плотницкий топор, подзорная труба, несколько огарков свечей, трубка без табака, масляный фонарь без масла и ветхий, почти рассыпающийся в руках бортовой журнал. Он был весь исписан от корки до корки, а пергамент, довольно сильно поврежденный морской водой, практически истлел от перепада влажности и температур.

По всей видимости, почивший владелец этого «дворца» был англичанином. Дюбуа очень плохо читал по-английски, да и вообще недостаточно хорошо знал этот язык, хоть и научился некоторым словам от матросов-англичан. Поэтому немалых трудов ему стоило расшифровать эту запись, несмотря на то, что почерк писавшего был весьма ровен и разборчив. Зато цифры

на всех языках пишутся одинаково, поэтому кое-какую информацию Жорж для себя все-таки почерпнул. Самое главное, умерший оставил ему координаты острова. Теперь он точно знал, что находится на пятнадцати градусах, двенадцати минутах и тридцати секундах северной широты и шестидесяти семи градусах, тридцати шести минутах и восемнадцати секундах западной долготы. Последняя запись была датирована тринадцатым июня 1711 года, то есть со дня смерти хозяина хижины прошло без малого полтора года. Еще он выяснил, что человек, кости которого лежали перед ним, был капитаном бригантины «Дикая Орхидея», разбившейся во время шторма о рифы в двух милях от этого острова в октябре 1707 года, а сам капитан носил имя Роджер Уэллс. Спасшихся было трое, но товарищи Роджера умерли несколько раньше. Еще на подходе к хижине Жорж обратил внимание, что напротив входа, под пальмой, лежал очень большой плоский камень. Быть может, это могильная плита? Если у него хватит сил ее отодвинуть, там можно будет похоронить и останки несчастного Роджера.

Все еще откладывая на более поздний срок эту траурную церемонию, Жорж решил первым делом пойти к морю и поймать черепаху или наловить рыбы. А может быть, и того, и другого, чтобы отпраздновать новоселье и приготовить себе, наконец, горячий праздничный обед. К тому же его тянула на берег моря постоянно теплящаяся надежда увидеть на горизонте проходящий мимо корабль, и с этой целью он даже прихватил с собой подзорную трубу. Правда, разум твердил ему, что шансов на спасение практически нет никаких. Судя по всему, корабли обходят это место стороной, раз уж попавшим сюда пять лет назад троим морякам так и не удалось выбраться с проклятого острова. Жорж почти уже смирился с мыслью, что и его самого ожидает такой же печальный конец, который постиг его предшественников.

Ливень кончился, жаркое тропическое солнце поднимало от теплой земли к небу испарения, воздух в лесу был душен и насквозь пропитан влагой. Не доходя до самого берега, еще из зарослей взглянув в морскую даль, Дюбуа вдруг с радостью отметил, что его надежды на спасение оказались не напрасными. На горизонте он заметил блеснувшие на солнце паруса. Сначала свежеиспеченный островитянин возликовал и, охваченный восторженным чувством нахлынувшего на него оптимизма, захотел привлечь к себе внимание капитана – развести дымовой костер или поднять что-то типа флага, хотя бы собственную рубаху. Но внутренний голос предостерегал его, заставляя проявить осторожность, поскольку судно и без того двигалось по направлению к острову. Очевидно, капитан намеревался сделать стоянку, чтобы наловить черепах или пополнить запасы пресной воды.

И, как выяснилось, Жорж поступил благоразумно, что не стал предпринимать никаких попыток обозначить свое присутствие, это спасло ему жизнь. Взглянув на приближающийся корабль через подзорную трубу, он тут же узнал его. Это была баркентина «Удача».

Глава 5

Долгий и утомительный перелет в заполненном до отказа тесном салоне эконом-класса, наконец, подходил к концу. Из динамиков полился мягкий бархатный голос бортпроводницы, сообщивший о том, что самолет идет на посадку и напомнивший о необходимости пристегнуть ремни и не вставать со своих мест. А встать с кресла, в котором из-за тесноты невозможно было даже как следует вытянуть ноги, становилось уже просто невтерпеж. Сергей повернулся к Марине:

– Если наше дело выгорит, обратно полетим хотя бы бизнес-классом.

– Ага. А на собственном самолете не хочешь?

– А почему бы нет?

В аэропорту города Виллемстада, где приземлился аэробус, Сергей с Мариной отстояли длинную очередь у транспортера и получили свой багаж. Взвалив на себя дорожные сумки и подхватив чемоданы, они отправились искать остановку общественного транспорта, на ходу отмахиваясь от назойливых мулатов-таксистов. Расспросив местных жителей, как добраться до ближайшей гостиницы, они дождались нужного автобуса и сели в него.

Отель носил громкое и длинное название: «The Plaza Hotel Curacao and Casino». Очутившись, наконец, в дешевом двухместном номере на девятом этаже, они оба в изнеможении рухнули на кровать.

– Уф-ф, ну и жара! – Марина провела предплечьем по потному лбу. – Сегодня ничего не будем искать, правда, Сереж?

– Конечно, лапунь.

– Слушай, – Марина приподнялась и посмотрела на Сергея сердитым взглядом. – Сколько раз тебя просила, не называть меня этим дурацким прозвищем.

– Хорошо, ла… то есть, любимая.

– Вот так-то.

Несколько минут Сергей молча лежал на кровати, глядя в потолок. Марина встала и принялась распаковывать вещи, раскладывать их по тумбочкам и убирать в стенной шкаф. Продолжая лежать, Сергей молча наблюдал за ней из-под полузакрытых век.

– Только знаешь что, – наконец произнес он. – Покажи мне еще раз на карте, куда завтра поплывем. Мне надо морально подготовиться.

– Не поплывем, а пойдем. Плавает…

– Знаю. Хорошо, куда мы завтра бросим кости.

Сергей поднялся и, покопавшись в одной из сумок, достал из нее GPS-навигатор. Открыв на экране карту, он протянул прибор Марине.

– Излагай.

– Смотри, вот это остров Кюрасао. Вот он Виллемстад. Мы сейчас находимся вот тут, правильно?

– Согласен.

– А нам надо… – Марина сняла с шеи цепочку с золотым медальоном и посмотрела на его обратную сторону. – Нам надо вот сюда, километров шестьдесят на северо-запад. Увеличь масштаб. Вот маленькое белое пятнышко – это остров.

– Ясно. А говорят, белых пятен на карте не осталось…

– Остров маленький, необитаемый, кому он нужен. Он вообще здесь как мель обозначен.

– Понятно. Короче, на катере ходу часа два, а то и все два с половиной.

– Ну да. А что делать?

– А что если там вообще никакого острова нет?

– Какая разница. Искать все равно придется под водой.

– Погода бы не подвела. Не дай бог шторм, тогда и укрыться негде.

– Значит, будем молиться богу. И слушать прогноз. На завтра обещают ясно и безветренно. И до двадцати семи тепла.

– Красота! Тепло как летом!

Сергей снова плюхнулся на кровать и растянулся, раскинув руки, а Марина встала у окна и устремила задумчивый взгляд на морской пейзаж за ним.

– Мариш, а почему ты не хочешь распечатать карту? С бумажной было бы удобнее. Да и привычнее как-то.

– Я что, дура, по-твоему?

– Нет.

– Вот потому и не хочу.

– Понял. Значит, завтра с утра начнем поиски.

– Да, дорогой. А что будем делать сегодня? Сходим на пляж?

– Не знаю.

После многочасового перелета у Сергея не было желания чего-либо делать и, тем более, куда-нибудь ходить. Ныла спина и немного побаливала голова, хотелось если не спать, то хотя бы просто полежать с закрытыми глазами. Сергей закрыл их и снова открыл. Марина все еще стояла у окна, повернувшись в профиль. В контровом свете ее легкая блузка просвечивала насквозь. В таком ракурсе обворожительная фигурка девушки выглядела настолько притягательно и привлекательно, что Сергею невольно подумалось, что им будет чем сегодня заняться, не выходя из номера.

– Давай, пойдем на пляж, – Марина повернулась к нему, в ее голосе прозвучали капризные нотки. – На «банане» покатаемся или на кайте. Я еще ни разу не пробовала…

– Марин, мы же не развлекаться сюда приехали, – голос Сергея стал расстроенным и раздосадованным. – Да и на все эти развлекаловки у нас с тобой денег свободных нет.

– Да ладно, шучу я, – засмеялась Марина.

Она прилегла рядом с Сергеем на кровать и погладила его по волосам.

– Я все понимаю. Я же не всерьез предлагаю.

Он обнял девушку, привлек ее к себе и поцеловал в губы.

– Мы не развлекаться сюда приехали, – напомнила Марина, оторвавшись от его губ.

– А я и не развлекаюсь, я, между прочим, серьезно.

– Ах, вы, сударь, серьезно!? Ну тогда я сначала в душ.

Глава 6

Корабль медленно приближался к острову на одних кливерах: очевидно Черная Борода опасался посадить корабль на рифы. Дюбуа укрылся в зарослях поближе к берегу и подальше от хижины. Он наблюдал за кораблем в подзорную трубу и молил бога, чтобы пираты, если и наткнутся на жилище Роджера Уэллса, не заметили бы там его, Жоржа, следов пребывания. Если они догадаются о присутствии на острове живого человека, то не успокоятся, пока не найдут его и не сделают мертвым. И поэтому ему предстоит прятаться, используя всю смекалку, на которую он только способен. Еще он благодарил бога за то, что тот пролил на землю дождь, который смыл его следы на песке возле берега.

На расстоянии примерно двух кабельтовых от острова шхуна-барк остановилась, на ней подобрали все паруса и сбросили якорь. Через подзорную трубу Жорж прочитал на борту корабля его новое имя: вместо «La réussite» теперь значилось «Queen Anne's Revenge».

От шхуны отвалил баркас. В нем к острову направлялось пятнадцать человек – двенадцать гребцов и трое пассажиров, среди которых был и сам Черная Борода. Дюбуа не придумал ничего лучшего, кроме как влезть на дерево неподалеку от берега и наблюдать за пиратами, чтобы не пропустить тот момент, когда они будут покидать остров. Спрятавшись в листве, он почувствовал себя в относительной безопасности и надеялся, что до темноты непрошенные гости избавят его от своего присутствия. Если они хотят только набрать пресной воды и настрелять дичи, то уберутся отсюда довольно скоро.

Но если они задумали кренговать[3] судно, то проторчат здесь не меньше недели. Правда, «Удача» – теперь уже бывшая «Удача», – совсем новый корабль, вряд ли ее днище настолько сильно обросло ракушками.

Примерно в десяти туазах от кромки прибоя гребцы убрали весла и, спрыгнув за борт, затащили баркас на берег. Черная Борода и те двое из его окружения сошли на землю, не замочив своих сапог. Предводителя пиратов сопровождали Израэль Хэндс и бывший боцман «Удачи» Пьер Жерар. Матросы извлекли из баркаса два огромных сундука. Каждый весил уж точно не меньше трехсот фунтов, их можно было нести только вчетвером.

Пираты оставили двух матросов сторожить баркас и наблюдать за шхуной. И подать сигнал в случае каких-либо форс-мажорных обстоятельств.

– Наберите пока пресной воды из ручья, – велел им Черная Борода.

Остальные двинулись в чащу леса, прихватив с собой сундуки. У Жоржа затекли все конечности, но он не решался размять их и даже боялся пошевелиться, чтобы не выдать себя. Из лесу доносились громкие голоса: пираты что-то шумно обсуждали. Однако разобрать, о чем они говорят, было очень трудно, да и говорили они в основном по-английски.

Постепенно голоса становились тише, превращаясь в неразборчивый гомон. Те двое, которым Черная Борода велел оставаться возле баркаса, наполнили пресной водой бочки и разлеглись на горячем песке.

– Черт побери, а неплохой приз мы взяли на Гваделупе! – один из пиратов подложил под голову руки и мечтательно уставился в небо.

– Да, неплохой, – согласился второй. – Два сундука золота, да еще побрякушки. И, главное, вовремя же мы успели. Ведь все это через день-другой должно было отправиться во Францию…

---

[3] Кренгование (кренование) – очистка днища от ракушек и водорослей. Для этого корабль сажали на мель около берега и накреняли за мачты при помощи полиспаста, используя деревья в качестве опоры (*прим. авт.*)

– Зря Черная Борода поменял кораблю название. «Удача» – было подходящее имя. Ведь удача пока сопутствует нам, а мы – джентльмены удачи…

– «Месть королевы Анны» – тоже неплохое имя. Теперь мы неуловимые мстители. У шхуны прекрасный ход, черта с два кто нас поймает! Меня смущает другое – какого дьявола мы не делим добычу, а прячем ее на этом чертовом острове?

– Не знаю. Начальству виднее. Черная Борода пообещал, что мы получим свою долю приза, а он всегда честен перед командой. Значит, так оно и будет. К тому же завтра в сорока милях отсюда мы начинаем караулить испанский караван с золотым песком. С нами все может случиться и с нашим кораблем тоже, а эти сокровища останутся целы.

– Ну что ж, сожри меня осьминог, может и на самом деле все правильно…

Помолчав немного, оба пирата задремали. Жорж смог, наконец, расслабиться, расправить затекшие руки и ноги и слегка размять спину.

Все ясно, подумал он. В этих громадных сундуках флибустьеры привезли награбленное добро. И чтоб не возить его с собой, решили где-нибудь закопать на черный день или до лучших времен, как это делает собака, зарывающая кость. Вроде как спрятать сокровища в сейфе. Многие пираты надеются со временем покончить с профессией морского разбойника и прожить остаток дней на состояние, добытое грабежом. Правда, далеко не всем это удается. Некоторые проматывают все до последнего лиара, едва оказавшись на берегу, иные втягиваются в пиратскую жизнь и уже не представляют себя вне ее. Но большинство заканчивают жизненный путь на дне океана, погибнув в бою, – а бывает, что и на виселице – так и не успев воплотить в жизнь миролюбивые планы.

Тут Жорж почувствовал, что из лесу потянуло запахом дыма. Видимо, пришельцы развели там костер. Спустя какое-то время до него внезапно донесся громкий возглас множества голосов, выражавший не то восторг, не то испуг. Прошел еще час, и флибустьеры вернулись. Без сундуков. Из реплик, которые доносились до Жоржа, он разобрал: «Сокровища спрятаны надежно… (матросские идиоматические выражения). Там их не найдет ни одна собака!»

Черная Борода и два его помощника уселись в баркас, а остальные пираты, ухватившись за борта, спихнули его в воду, потом забрались в него, расселись по банкам и взялись за весла. Матрос, сидевший на руле, направил баркас к шхуне. Дюбуа слез с дерева лишь после того, как последний топсель пиратского корабля скрылся за горизонтом.

Наступил вечер, солнце почти зашло. Жорж поспешил к своей хижине, вернее к хижине покойного капитана Уэллса. Чем ближе он подходил, тем сильнее чувствовался запах теплой золы. Недоброе предчувствие охватило его и не напрасно. Хижина сгорела дотла: пираты сожгли ее вместе со всем содержимым. Из всего имущества бедного Роджера у Жоржа осталось только кресало, которое он сразу положил в карман, и подзорная труба.

Сумерки в этих краях длятся очень недолго, ночь наступает почти мгновенно. Вот и сейчас, не успел кончиться день, как кромешная темень окутала лес. Дюбуа нарубил своим длинным ножом веток и устроил себе лежанку прямо здесь, возле теплого еще пепелища. Что ж, думал он, засыпая, раз пираты лишили его жилья, они за это поплатятся. Он разгадает их тайну и отыщет место, где спрятаны сокровища. И если какой-нибудь проходящий корабль все-таки заберет его с этого острова, у него будет, чем заплатить за свое спасение. Даже более того – он сможет вернуться в Европу богатым человеком, купить себе собственный дом, жениться и жить долго и счастливо. Но для этого надо было отыскать пиратский тайник, это – во-первых. А во-вторых… Придет ли он, этот чертов корабль, который увезет его отсюда?

Утром, осмотрев пепелище, он окончательно убедился, что огонь уничтожил все. В золе нашелся только обгорелый топор без топорища и заступ без цевья. Тут Жоржу показалось, что кто-то смотрит на него. Обернувшись, он увидел череп капитана Роджера Уэллса. Череп был прибит гвоздями к пальме, к той самой, возле которой лежал камень, похожий на могильную плиту. Под черепом были прибиты две скрещенные кости. Сначала Дюбуа подумал, что

надо пресечь эту кощунственную выходку пиратов и отдать капитану последний долг, предав его кости земле. Но потом он решил не торопиться, возможно, в этом заложен некий тайный смысл. А что если сундуки зарыты прямо здесь, под знаком Веселого Роджера?

Но закопать два громадных сундука и не оставить при этом следов невозможно. А никаких свидетельств раскопок вокруг совершенно не наблюдалось – ни холмика, ни поврежденной травы, ни горсточки свежевыкопанной земли. Значит, сокровища под плитой. Но сдвинуть ее не удалось ни на дюйм, даже используя длинную толстую палку в качестве рычага. А что если, промелькнула мысль у Жоржа, череп указывает направление? Судя по положению солнца, глазницы веселого Роджера смотрели на восток. «Ну что ж, – подумал наш несчастный островитянин, – времени на поиски у меня предостаточно». Прикинув, что пираты справились с захоронением клада примерно за два часа с небольшим, Дюбуа решил искать тайник на расстоянии часа пешего хода от сгоревшей хижины в восточном направлении. Надо сказать, хоть у Жоржа и не было часов, он по морской привычке с достаточной точностью умел определять время по положению солнца. Да и внутренние его «биологические часы» почти безошибочно отбивали склянки.

Незадачливый островитянин потратил на поиски почти весь день, исследовав каждый квадратный дюйм в округе, но так и не нашел никаких следов захоронения клада. Под вечер он устал до изнеможения, да и голод уже давно валил его с ног, поэтому он решил отложить поиски на следующий день. А сейчас первым делом – притащить с берега и зажарить на костре черепаху. Поймать медлительное пресмыкающееся – дело нехитрое. Чуть потруднее притащить ее к пепелищу. Жорж из предосторожности не хотел разводить огонь на берегу, чтобы не выдать себя, если вдруг пираты надумают вернуться. Из толстого сука он вырезал крепкое топорище, насадил на него обгорелый топор, нарубил достаточное количество дров и разложил костер прямо на том месте, где еще вчера стояла хижина Роджера Уэллса.

Сидеть у огня намного приятнее, чем в кромешной тьме. Когда дрова в костре жарко разгорелись, Жорж услышал за спиной какой-то странный звук. Не то скрип, не то скрежет, ему даже показалось, что звук издает череп Роджера. Обернувшись, он обнаружил странное и поразившее его явление – каменная плита под пальмой пришла в движение. Дюбуа ущипнул себя за ухо. Неужели он сходит с ума? Но плита явно поднималась. Она поднималась как крышка сундука, открывая вход в подземелье. Моряк перекрестился. Уж не дорога ли это прямо в ад? А из подземелья и впрямь струился красноватый свет как из горнила. Превозмогая страх, Жорж поднялся на ноги, сделал шаг и заглянул в образовавшуюся дыру. Там, в подземелье, была пещера. Каменная плита поднялась в вертикальное положение, а вниз, в пещеру вели ступени.

Любопытство моряка превысило страх, он решил заглянуть туда, в подземелье, и стал потихоньку спускаться по лестнице, всякий раз ожидая, что его вот-вот схватит черт и уволочет к себе в преисподнюю. Свод пещеры был выше человеческого роста, а вся она напоминала трюм корабля. Свет излучали сами стены. Здесь было прохладно, но не сыро. Дюбуа сразу увидел сундуки, оставленные пиратами. Но кроме них тут было еще немало других сундуков – даже не сундуков, а скорее каменных гробниц, хранилищ доверху наполненных золотыми и серебряными слитками, крупными драгоценными камнями и фигурками диковинных животных из драгоценных металлов. Дюбуа залюбовался на эту красоту и не заметил, как крышка люка – каменная плита – начала потихоньку опускаться. В самый последний момент ему удалось выбраться из подземелья, каменная глыба едва не прищемила ему ногу.

Огонь в костре почти погас, только угольки продолжали потихоньку тлеть. Жорж подбросил в костер веток, пламя разгорелось, и плита снова пришла в движение. Так вот оно в чем дело: если на этом месте развести огонь, открывается вход в пещеру с сокровищами!

Теперь, когда Дюбуа владел тайной пиратов, он испытывал двойственное чувство. Радость, что может возвратиться на родину богатым человеком, и панический страх.

– Что же делать?! – произнес он вслух. – Ведь если пираты сюда возвратятся, чтобы проверить свои закрома или пополнить их, а они, по всей видимости, это сделают наверняка, то вполне могут обнаружить мое присутствие на острове. И тогда непременно разыщут меня и убьют. Причем, независимо от того, узнают ли, что я владею их тайной или нет.

Жорж решил обустроить себе жилье подальше от сгоревшей хижины и обязательно с видом на море, чтобы наблюдать за возможным прибытием корабля. Все время жить под открытым небом нельзя, надо построить себе хотя бы шалаш, но непременно так, чтобы с моря он был незаметен, а самому было бы удобно обозревать как можно больше пространства.

Для своей резиденции он выбрал мыс примерно в миле от того места, где находился тайный вход в пещеру с сокровищами. Мыс был лесистым и достаточно узким – там можно замечательно замаскироваться, в то же время получался вполне приличный обзор. Единственным недостатком этого места было отсутствие пресной воды, за ней все равно придется ходить к устью ручья. Но Дюбуа решил, что ежедневный моцион будет ему полезен для здоровья, опять же, надо себя чем-то занять, хоть будет на что убивать время. Впрочем, на первых порах забот ему хватит. Надо строить шалаш, чтобы иметь крышу над головой на случай дождя. Еще надо сделать лук и острогу, чтобы охотиться на птиц и ловить рыбу, наделать из крупных кокосовых орехов фляги, чтобы в них приносить себе пресную воду.

Однако еще до того как покинуть поляну с тайником, Дюбуа задумался о вечном. Да, именно о вечном. Ведь в жизни может случиться всякое – вдруг он умрет как бедняга Роджер Уэллс? У него нет детей, нет родственников и наследников, но пусть хотя бы другой моряк или путешественник, занесенный судьбой на этот злосчастный остров, унаследует его тайну. Это во-первых. А во-вторых, нельзя полагаться на собственную память. Короче, он решил нарисовать план того места, где хранятся сокровища. Правда, рисовать было нечем и не на чем. Тогда Жорж просто-напросто воспользовался обратной стороной своего медальона. Прежде всего, он нацарапал острием ножа координаты острова, пока еще помнил их. А под ними начертил план острова и обозначил путь, как от берега добраться до места, где над «могильной» плитой прибит череп несчастного Роджера Уэллса.

Глава 7

Стражники втолкнули дона Диего де Сабио в просторный кабинет. Здесь царил полумрак, поскольку солнечный свет сюда не проникал, но, по сравнению с темнотой камеры, освещение показалось дону Диего достаточно ярким. В свете чадящего на стене тусклого факела он сразу разглядел грузную фигуру человека с квадратным лицом, которое украшали маленькие сверлящие глаза, массивный волевой подбородок и уродливый, словно перебитый в драке, нос. На голове хозяина кабинета красовалась тонзура, а одет он был в пурпурную сутану священнослужителя очень высокого ранга. От одного только вида этого человека неприятный холодок, предвестник страха, дрожью пробежал по всем внутренностям дона Диего. Но ему удалось довольно скоро справиться с эмоциями. Просто он никак не мог привыкнуть к тому обстоятельству, что с некоторых пор ни один палач не может причинить ему никакого вреда. Хозяин кабинета отпустил стражу, помолчал, просматривая какие-то документы, словно не обращая внимания на введенного узника, потом резко перевел на него взгляд и начал допрос:

– Дон Диего де Сабио! Известно ли вам, в каком преступлении вас обвиняют?

Дон Диего, справившись с волнением, в свою очередь с достоинством выдержал паузу и вместо ответа спросил:

– Интересно, чем я заслужил такую высокую честь, что меня допрашивает сам его преосвященство Томмасо де Торквемада?

– Это писать? – обратился к инквизитору писарь, писавший протокол стоя у конторки, освещенной одинокой свечой.

– Нет! – раздраженно прикрикнул на него Торквемада, но тут же взял себя в руки и вкрадчивым тоном напомнил допрашиваемому: – Здесь вопросы задаю я, дон Диего де Сабио. Итак?

– Меня можно обвинить в любом преступлении. Например, в том, что я могу победить чуму, или в том, что могу научить человека летать, или в том, что могу написать ваш портрет с завязанными глазами.

– Очень интересно. И как вы полагаете, если Богу угодно покарать некий город чумой, не идете ли вы вразрез с Его волей, избавляя жителей от болезни?

– Я полагаю, что болезни на людей насылает не Бог, а дьявол.

– Поосторожнее с такими высказываниями, сеньор де Сабио. Уже за одно это я могу отправить вас на дыбу.

– Вы можете даже отправить меня на костер. Но меня это совершенно не пугает.

– Вы считаете, сеньор де Сабио, что вам снова удастся избежать аутодафе как в прошлый раз, когда вы как последний трус бежали из следственной камеры?

– Почему же как трус? Мне показалось, что мой побег был достаточно дерзок.

– Послушайте, дон Диего, а вы вообще верите в Бога?

– Конечно. Я даже разговариваю с ним.

– Вы сумасшедший, сеньор де Сабио. Не хотите ли вы сказать, что вы ближе к Господу, чем папа римский?

– Смотря к которому. У каждого свой Бог.

– Не богохульствуйте, сеньор де Сабио! Бог один, и это есть неоспоримый факт! То, что вы сказали – больше чем ересь. Костер давно плачет по вам, и я бы отправил вас в ад прямо сейчас, немедленно! Если бы королева не захотела лично побеседовать с вами.

– Королева? О чем же, интересно? Тоже о постулатах веры?

– Ее величество сама решает, какую выбрать тему для разговора. Сейчас вас отведут в камеру и принесут чистую одежду. Когда королеве будет угодно встретиться с вами, за

вами придут. Со своей стороны советую запрятать подальше свою дерзость и вести себя более учтиво.

– Не беспокойтесь, ваше преосвященство. Смею вас уверить, что дон Диего де Сабио умеет беседовать с дамами.

– На всякий случай я буду присутствовать при вашей беседе, дабы оградить уши королевы от дьявольской ереси, если она вдруг сорвется с вашего языка.

– Слово, как говорится, не воробей. Уж если и сорвется…

Глава инквизиции прервал слова пленника, хлопнув три раза в ладоши. Явились стражники, надели на дона Диего наручники, сведя руки за его спиной и отвели его в камеру.

***

– Позвольте вас предостеречь, ваше величество, это неправильный ход, – заметил Торквемада, наблюдавший за игрой в шахматы между королевой Изабеллой Кастильской и доном Диего де Сабио.

– Позвольте мне обойтись без советов, ваше преосвященство. Я хочу сделать ход королевой.

– Ферзем, вы хотели сказать, ваше величество? – поправил дон Диего.

– Нет, сеньор де Сабио. Я сказала правильно. Эта фигура называется королевой[4].

– Что ж, в таком случае вашей королеве гарде, ваше величество.

– И вы посмеете убить королеву, сеньор де Сабио?

– Но ведь это всего лишь игра.

– А если не в игре, а в жизни? Смогли бы вы убить свою королеву?

– Конечно же, нет, ваше величество. Я вообще против убийств и насилия.

– А как вы считаете, позволить человеку умереть, когда в ваших силах сохранить ему жизнь – это не одно и то же, что и убить его?

– Мы сегодня беседовали на эту тему с его преосвященством, – дон Диего кивнул в сторону Торквемады. – И мне дали понять, что воспрепятствовать чьей-либо смерти – значит идти вразрез с божьей волей.

Великий инквизитор сжал губы и отвернулся в сторону.

Королева достала носовой платок – это был условный сигнал. Из-за портьеры вышел человек в черных одеждах и в черной маске. Дон Диего де Сабио не мог его видеть, человек в маске появился за его спиной и подкрался неслышными шагами. Также тихо он занес руку с кинжалом и резким отточенным движением вонзил его в спину идальго. Дон Диего коротко вскрикнул, судорожно глотнул ртом воздух, ухватился за стол, повалив фигуры на шахматной доске, и медленно сполз со стула на пол.

– Спасибо, Бернардо, можешь быть свободен.

Человек в черном кивнул, убрал в ножны окровавленный кинжал, поймал на лету брошенный ему мешочек с золотыми монетами и удалился.

– А если ничего не произойдет? – спросила королева Великого инквизитора, когда они остались одни.

– Тогда предадим его труп огню на завтрашнем аутодафе.

Некоторое время они молча смотрели на мертвеца, который неподвижно лежал на ковре, раскинув руки и уставившись в потолок остекленевшими глазами. Его преосвященство подошел к безжизненному телу и носком ноги перевернул его на живот. Удар был сделан профессионально, и лезвие наверняка поразило сердце. Но кровь из раны уже не текла. Прошло пять минут, и дон Диего пошевелил рукой. Инквизитор и королева переглянулись. Убитый сам

[4] Это исторический факт – Изабелла Кастильская одна из первых стала называть ферзя королевой (*прим. авт.*)

перевернулся обратно на спину. Взор его был еще мутный, но вполне осмысленный. Моргнув несколько раз, он приподнялся на локтях, а потом встал на ноги.

– Меня нельзя убить, – произнес воскресший и с сожалением добавил: – Вы понапрасну испортили мою новую одежду.

– Она не ваша, – напомнил Торквемада. – Что ж, сеньор де Сабио, мы только что доказали, что вы – колдун и алхимик.

– Я не колдун, я маг, – возразил дон Диего де Сабио. – И ученый. Недаром же я ношу свое имя[5]. Да, я бессмертный. Но это еще не повод называть меня колдуном.

– А как вы думаете, для чего королева пригласила вас на беседу? – спросила Изабелла Кастильская.

– Наверно, из любопытства: вонзить мне в спину кинжал и посмотреть, что из этого получится.

– Вовсе нет. Хотя не скрою, мне было интересно проверить, справедливы ли слухи о вашем бессмертии.

– А, ну тогда, быть может, вам захотелось приятно провести время в обществе умного человека? – дон Диего бросил дерзкий взгляд на Торквемаду.

– Если вы ученый, – продолжала королева, – то сделайте бессмертной меня.

– Увы, но этого я сделать не могу.

– Почему?

– Эликсир бессмертия я получил для себя.

– Так поделитесь им со мной!

– Это бесполезно, ваше величество. Как я могу поделиться? Ведь это не еда и не напиток. Эликсир действует только на того, кто сам его приготовил.

– Ну хорошо, так дайте же мне рецепт, и я приготовлю его сама. Что там для этого нужно? Пауки? Жабы? Зуб дракона? Я распоряжусь, и все это мне доставят немедленно.

– Вы не поняли, ваше величество. Повторяю, это не фляга с вином и не рецепт соуса, этим нельзя поделиться.

– То есть, вы отказываетесь открыть свой секрет королеве.

– В этом нет никакого смысла, – повторил дон Диего. – Мой состав на вас не подействует, потому что это мой индивидуальный состав. А если вы хотите получить свой, вы должны создать его сами. Придумать и испытать на себе.

– Испытать? На себе? Сварить зелье, выпить его, а потом убить себя, чтобы проверить, действует оно или нет?

– Увы, но так поступают все ученые, проверяя на себе действия новых снадобий. При этом титулы и генеалогическое древо не имеют никакого значения.

– Вам отсекут голову! – пригрозил инквизитор. – Вы очень дерзки с королевой!

– Отсекайте, ваше преосвященство. Вы уже имели возможность убедиться, что это бессмысленно – я бессмертен. Меня невозможно ни повесить, ни обезглавить, ни утопить, ни сжечь на костре. Я снова восстану, а потому не боюсь никакого наказания.

– Тогда я сгною вас в темнице! – крикнула королева. – Надеть на него кандалы и в карцер! Приковать к стене! За руки и за ноги, чтобы он не смог колдовать! А чучело с его именем завтра сжечь на костре!

---

[5] Сабио по-испански – мудрец (*прим. авт.*)

Глава 8

Сколько прошло недель, месяцев, а, быть может, и лет, дон Диего де Сабио знать не мог. Он был прикован руками и ногами к сырой холодной стене в кромешной темноте узкого тесного карцера, в котором вряд ли можно было бы лечь и вытянуться в полный рост, если бы дон Диего имел такую возможность. Раз в сутки ему приносили отвратительную похлебку, на основании этого он пытался вести учет дням, но на второй сотне сбился со счета. Или ему просто надоело считать. Если бы у него были свободны руки, он смог бы достать свою Книгу, которая всегда была у него при себе. Ее не могли изъять при обыске, ее вообще не могли у него отнять, зато он сам всегда мог воспользоваться ею в нужный момент, но для этого должна быть свободна хотя бы одна рука. В том, что смерть не настигнет его в этой камере, не могло быть сомнений. Но когда он сумеет освободиться от оков – вопрос времени. Либо должны рухнуть стены тюрьмы, либо проржаветь цепи. И на то, и на другое может потребоваться сотни лет.

После заточения к нему периодически наведывался священник в расшитой золотом сутане, подручный Торквемады. Он задавал ему один и тот же вопрос: «Ты одумался, сын мой?» Сначала дон Диего пытался втолковать, что он не в силах выполнить желание королевы: невозможно приготовить эликсир бессмертия для постороннего человека. Потом ему просто надоело отвечать, и он молчал. Спустя какое-то время священник перестал приходить. А потом перестал приходить и тюремщик, приносивший еду.

Где-то рядом с потолка время от времени капала вода. По одной капле, с периодичностью в несколько минут. Звук падающей капли гулким эхом разносился по камере, и это было единственное, что нарушало тишину – даже крысы обходили стороной это неприглядное помещение. Но некоторое время назад дон Диего стал различать отдаленный шорох в стене, который, постепенно усиливаясь, становился похожим на скрежет по камню. Сначала заключенному казалось, что он сходит с ума, а странный звук – не что иное как слуховая галлюцинация. Но скрежет становился все явственнее и громче. Он то прекращался на несколько часов, то снова возобновлялся, причем с большей силой.

И вот однажды из стены вывалился камень, и дона Диего ослепил яркий свет. На самом деле свет был довольно тусклый, его излучала самодельная свеча, которую держал в руке обросший бородой и длинными волосами человек, пробравшийся в его камеру через возникшую в стене брешь. Дон Диего даже не удивился появлению в карцере посетителя, он лишь подумал, что и его собственная борода, очевидно, не меньшей длины, только он не мог ее потрогать, опять же по той причине, что его руки были прикованы к стене.

Человек осмотрелся и грязно выругался.

– Каррамба! Два года работы – и все в зад дохлой черепахе! Вместо свободы – другая клетка с полумертвым стариком, подавись ты кишками кальмара!

– Кто вы? – спросил его дон Диего более учтивым тоном, нежели пришелец.

– Я? – незнакомец немного остыл. – Да какое это имеет значение! Меня зовут Педро Бенито, я был капитаном галеона «Святая Каталина», мы перевозили грузы из Вест-Индии. Два года назад меня арестовали по ложному доносу, якобы утаил для себя несколько слитков серебра. Но клянусь непорочностью Девы Марии, это клевета, не брал я этих слитков! А ты кто?

– Дон Диего де Сабио. Осужден Святой Инквизицией в 1496-м году. Кстати, не подскажете ли, милейший, какой нынче год?

– Да вроде как с утра был тысяча пятьсот седьмой.

– Что?! Так значит, я прикован к этой стене уже одиннадцать лет?!

– Да ты в уме ли, старик? Чтоб мне гореть в преисподней, ни один человек не провисит вот так на цепях и больше одиннадцати дней!

– Почему ты называешь меня стариком?

– А как тебя еще называть? Ты на себя погляди! Ты весь высох и сморщился как сушеная груша. Вот ведь судьба-злодейка, клянусь Святым Духом! Думал, что ковыряю стену в сторону реки, туда, где меня ждет свобода, а оказалось – в соседнюю камеру. А второй раз проделать такую дыру мне уже не под силу. И так без малого два года усилий – и все в брюхо осьминогу…

– Если ты поможешь мне освободиться от оков, мы выберемся отсюда. Кстати, а чем ты расковыривал раствор, связывающий камни?

– Один мой верный друг передал мне обломок пилы в краюхе хлеба. Я бы мог перепилить решетку, но окно в моей клетке очень высоко, почти под потолком, к тому же выходит на тюремный двор. Да и узкое оно очень, мне не пролезть. Зато я смог разглядеть в окно, что совсем рядом тюремная ограда. Я подумал, что моя клетка крайняя, и если проковырять дыру в стене, то я выберусь на свободу. Кто ж мог предположить, что на моем пути еще есть темница! Что ж, ладно, давай попробуем распилить твои цепи. Пила, конечно, затупилась, быстро не получится, но, клянусь когтями дьявола, времени у нас для этого навалом!

– Мне нужно освободить хотя бы правую руку.

Работа продвигалась и в самом деле очень медленно. Железо плохо поддавалось затупленным зубцам. Педро Бенито трудился в поте лица, почти не выходя из камеры дона Диего. Даже не имея часов, он научился определять, когда должен прийти тюремщик и принести еду. В это время ему необходимо было вернуться в свою камеру и загородить брешь в стене тяжелым камнем, чтобы стража не подняла тревогу. Он делился с доном Диего своей похлебкой, поскольку последнему много лет не приносили еды, видимо, считая его давно умершим.

Только через два дня Диего де Сабио освободил свою правую руку. Он размял суставы и обратился к Педро Бенито:

– Помоги мне снять с шеи цепочку.

На цепочке вместо нательного креста висела книга, имевшая очень малые размеры. Но в ладони идальго книга начала быстро увеличиваться, пока не приняла свои истинные габариты. Педро Бенито удивился этому чуду, хотя на самом деле чудеса только начинались.

– Держи и свети сюда, – велел дон Диего.

Педро принял из руки дона Диего книгу и поднес ближе свечу, украденную вчера у тюремщика. Та, которую он несколько дней назад слепил из огарков и потеков воска, сгорела дотла. Диего де Сабио раскрыл нужную страницу, прочитал заклинание, сделал пассы свободной рукой, и остальные оковы с лязгом упали на каменный пол.

– Чудеса… – прошептал Педро Бенито.

– Ты знаешь какое-нибудь место, где нас не смогли бы найти прислужники королевы?

Освободившись от цепей, дон Диего с хрустом разминал свои конечности.

– Королевы? – удивился Педро. – Какой королевы? Хуана Первая тронулась умом, и ее отправили в монастырь. Страной правит папаша ее, Фердинанд. А в народе болтают, что Фердинанд сам отравил своего зятя, Филиппа I, и клянусь всеми святыми, эти слухи не беспочвенны! А королева Хуана так была опечалена смертью супруга, что из-за этого потеряла рассудок.

Педро Бенито понизил голос, несмотря на то, что в камере они находились одни.

– Она не разрешала его хоронить. Каждый день открывала гроб, чтобы припасть к телу любимого… Так что Фердинанд теперь…

– Вообще, – перебил дон Диего, – когда я спросил про прислужников королевы, то имел в виду жену Фердинанда, Изабеллу Кастильскую. Разве не она королева Испании?

– Преставилась, – Педро Бенито перекрестился. – Уже третий год пошел, как преставилась. А дочери своей, Хуане, завещала трон…

– А Томмасо де Торквемада еще жив?

– Да господь с тобой! И палач этот тоже – того. Уж девять лет как концы отдал кровавый доминиканец. Теперь еретиков на костер отправляет де Сиснерос.

– Померли. Оба. Что ж, это вполне естественный биологический процесс. Значит, их уже нет, ни гонителя жидов, ни его подопечной. Потому про меня и забыли, видимо, считая, что я давно умер. И даже никто не пришел, чтобы убрать и закопать мои кости. Хорошо. Значит, в моем замке нас с тобой никто не будет разыскивать. Тогда первым делом отправимся туда.

– Но как?

Дон Диего молча подобрал небольшой белый камушек, кусочек известняка, на пыльном полу начертил им окружность и вписал в нее пятиугольник. Оба встали посередине этой фигуры.

– Держи меня крепко за руку. И не отпускай, что бы ни случилось.

Педро Бенито вцепился в руку мудрого идальго, а тот прочел заклинание. Едкий дым с запахом хлора, озона и серы окутал обоих, вихрь подхватил их, кровь отхлынула от головы так, что потемнело в глазах. Первое, что подумал Педро Бенито – будто бы в самой захудалой таверне Валенсии или Барселоны в пьяной драке ему вышибли мозги. «Святая Дева! Оказывается, умирать совсем легко» – это второе, что он подумал. Тем не менее, памятуя наставление дона Диего, цепко держался за его руку. Больше он ничего подумать не успел – просто не прошло и минуты, как дым рассеялся.

Они стояли посреди просторного зала, освещенного падающим из окон солнечным светом. Служанка, сухощавая дама средних лет, сметала пыль с рыцарских доспехов, украшавших интерьер помещения. Обернувшись, она расширила глаза, громко вскрикнула и упала в обморок.

– Смоленый шкот мне в задницу! – изумился капитан Бенито. – Как тебе это удалось?

– Ловкость рук, – скромно ответил дон Диего.

Он подошел к несчастной служанке и стал приводить ее в чувство.

– Ты колдун?

– Не произноси этого слова, сеньор Бенито. Оно оскорбительное. Я – ученый. И маг.

На шум и запах гари в залу явился молодой человек в богатой одежде.

– Кто вы такие и как попали сюда?! – грозно произнес он, выхватывая шпагу.

– Остановись, Филипо! Спрячь клинок. Ты что, не узнаешь своего дядю?

– Дон Диего де Сабио?! – удивленно воскликнул молодой человек, опустив шпагу и при этом бледнея. – Как же я мог вас узнать, ведь вы обросли бородой, словно нищий скиталец. Все ваше лицо в морщинах, на вас лохмотья вместо платья. Вы что, явились сюда с того света? Вы – привидение?

– С чего ты взял, Филипо? Потрогай меня, я из плоти и крови.

– Но про вас говорили, что вы скончались в тюремных застенках Толедо. А соломенную куклу с вашим именем сожгли одиннадцать лет назад…

– Ты разве был на моих похоронах, Филипо? Как можно утверждать, что человек мертв, не увидав его бездыханного тела?

Тем временем, горничная пришла в себя. Узнав в бородатом и высохшем мужчине постаревшего хозяина, произнесла:

– Ох, сеньор…

И снова чуть было не потеряла сознание.

– Спокойно, Марибель. Я не призрак. Иди к себе, оставь нас. Мне надо поговорить с сеньором Филипо.

Служанка удалилась, держась обеими руками за голову.

– А кто этот человек с вами, дядя?

– Это капитан Педро Бенито. Мы вместе с ним бежали из тюрьмы.

– Но как вы появились здесь?

– Филипо, ты же знаешь, что я могу перемещаться в пространстве на любые расстояния и почти мгновенно. И для меня нет преград типа стен и перекрытий. Главное – чтобы были свободны руки. А они у меня в течение одиннадцати лет были прикованы к стене. И кто знает, сколько бы мне еще пришлось там висеть, если бы Педро Бенито не помог мне.

– И… – дон Филипо замялся. – И что вы собираетесь делать дальше?

– Я собираюсь здесь жить и заниматься своими исследованиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.